

Он уцелел в Мясном Бору

ТРУДНУЮ жизнь прожил наш с вами земляк Дмитрий Павлович Карнаухов, потому что суждено ему было родиться в 1913 году. Ангарская деревня Селегино, крестьянская семья... Дмитрий с детства любил землю. Сначала с другими ребятами помогал старшим выполнять несложную работу. Повзрослев, начал трудиться в колхозе «Колос Октября». Побывал токарем, шофером, механизатором — любое дело у него ладилось.

Парнем был Митя бравым, видным. Женился в первый

Война до сих пор живет страшным воспоминанием в сердцах взрослых, сильных мужчин. Боль не утихает даже через 57 лет.

раз в семнадцать лет. Но семья — не получилось: пока Дмитрий три года служил в армии в Иркутске, молодая жена сбежала. Потом умерла дочка. Здесь же, в Селегино, встретил Дмитрий вторую любовь, но судьба снова отвернулась.

Сорок первый год разбил счастливые семьи, разлучил влюбленных. Кого-то — надолго, других — навсегда. Война до сих пор живет страшным воспоминанием в сердцах взрослых, сильных мужчин. Боль не утихает даже через 57 лет.

Дмитрию Карнаухову было 26 лет (несовольно сравниваю: как мне сейчас), когда он пошел на фронт. Всю Великую Отечественную войну участвовал в битвах за Ленинград, воевал в полку связя в составе Ленинградского фронта. О сражениях не дают забыть четыре тяжелейших ранения и, конечно, заслуженные награды.

...Бои начались в г. Тихвин, и медленно, шаг за шагом, с огромными потерями русские солдаты освобождали свои города от немецких и финских захватчиков.

Трудно было и страшно. О грядущем бое страшно было даже подумать, а еще страшнее — решиться и пойти в атаку. Многие не выдерживали, сходили с ума. Человеку тяжело выносить непрерывный грохот взрывающихся бомб, гул самолетов. «А еще при бомбежках были сирены», — вспоминает Дмитрий Павлович, — будто из тебя заживо душу вытягивали. Панкун немцы наводили, хотели загнать».

Но не загугали. Хотя были и такие, кто перебежал к немцам. Те тоже к русским перебежали. Кто-то нарочно сдвигался в плен. Однажды взяли фашисты такого «языка», узбека, в плен, а спустя некоторое время отравили обратно со словами: «Нам не «языки», а вам не солдат».

Двадцатый век — эпоха глобальных изменений в России. Революция, война, перестройка, стремительные попытки смены строя, мечта о коммунизме и внезапный рывок назад к капитализму. Перевороты оборачивались трагедией для целых семей, народов и социальных групп.

Я восхищаюсь поколением наших дедов и прадедов, чьи судьбы безжалостно перемалывала неумолимая История. Сколько ими пережито!

Татары и таджики специально стреляли друг друга, а на поле боя «голосовали»: упадут на землю от страха, ле-

было. Тогда он познакомился с парнем из Новосибирска, они сдружились и стали называть друг друга земляками.

В городе Большая Вишера Дмитрий попал в госпиталь с осколком в спине и контузией. Осколок вырезать не стали, сказали: «Все равно добьют!», и парень «таскал» его в себе два года.

Самые жестокие бои разворачивались под Ленинградом. Январской ночью сорок второго года наши войска стали переходить местечко под названием Лесной Бор, да там и остановились на ночь вместе с пушками. Когда стало светать, немцы открыли огонь. В живых осталось несколько 20 человек — несколь-

Увидев свою кровь, трусоватые «вожки» падали без сознания. Настоящие мужики себя не щадили.

Карнаухов вспоминает, как его однопольчанину оторвало ногу, а тот, не взывая о помощи, сам полз с поля боя. О своих ранениях он тоже рассказывает просто: «Зашили — и дальше воевать».

Дмитрий Павлович любит вспоминать, как среди сражений наступали перемирия. Первыми узнав новости, финны кричали: «Рус, не стреляй! Наргейм а Москву полетей!» И обе стороны на время забыли о войне. Когда воевали за освобождение Волхова, тоже было объявлено перемирие. Русские и немцы располагались на противоположных берегах реки. Утром Дмитрий спустился к речке за водой. «Наклонился, черпаю, вдруг вода полилась из ведра. Немец-снайпер с другого берега выстрелил и пробил ведро пулей. В следующий раз — та же история. Хотел показать свое превосходство, похвалиться, как немцы хорошо стреляют».

Исходила Дмитрий Павлович всю ленинградскую землю, брал вены с ребятами город за городом. Сначала Новгород, где русских бойцов поразило, что немцы не бомбили церкви, поэтому там спаслось много людей, затем — Сланцы, Нарва, отсюда — на Финляндию. Тяжело было еще и оттого, что земляков красноярцев у Карнаухова не

было. Тогда он познакомился с парнем из Новосибирска, они сдружились и стали называть друг друга земляками.

В городе Большая Вишера Дмитрий попал в госпиталь с осколком в спине и контузией. Осколок вырезать не стали, сказали: «Все равно добьют!», и парень «таскал» его в себе два года.

Самые жестокие бои разворачивались под Ленинградом. Январской ночью сорок второго года наши войска стали переходить местечко под названием Лесной Бор, да там и остановились на ночь вместе с пушками. Когда стало светать, немцы открыли огонь. В живых осталось несколько 20 человек — несколь-

ких сотен, а бор с тех пор стал именоваться не Лесной, а Мясной. В этом лесочке до сих пор находят гранаты, осколки снарядов, медальончики, которые носил на шею каждый солдат, скрывая в них «адрес смерти».

Там Дмитрий тоже получил ранение, потерял очень много крови. В Выборге ему перешили кровь, а он запомнил адрес, написанный на пробирке. Оправившись, написал письмо жене не дождалось...

Не хотелось бередить рану, и он решил обосноваться в Красноярске. Но отправившись через полтора года в отпуск в Селегино, там и остался. «Героем приехал», смеется Дмитрий Павлович, — весь в орденах, холостой, девок кругом много! Тут и нашел на свою родную, единственную, ту, что на всю жизнь.

Полышу, освободил Краков и Жешев, прошел Чехословакию, освобождал Прагу 12 мая 1945 г.: там после объявленной победы все еще велись бои. С улыбкой вспоминает ветеран, чехи с пивом встречали русских солдат.

Наконец настал долгожданный момент, когда счастливых воинов отправили эшелонам в Россию. Полк задержали в Ставрополе на полтора месяца, а они мечтали скорее попасть домой, к родным. И вот мужчины помчались к женам. Дмитрий

Осколок вырезать не стали, сказали: «Все равно добьют!», и парень «таскал» его в себе два года.

жизнь. С Любовью Николаевной живут они уже 56 лет. Сейчас у стариков трое детей, шесть внуков и семь правнуков. Сын живет рядом с родителями, старшая дочь работает в Норильске, младшая — в Усть-Илимске. Ее сын — офицер, служит в Хабаровске. Дедушка с бабушкой получи-

ли от него письмо: внучок обещает приехать. Уж как они его ждут!

Дмитрию Павловичу Карнаухову 88 лет, и он считает себя «старейшим ветераном». Еще, к нашему великому стыду, дел уверен, что о войне все уже забыли, а героями объявляют себя те, кто даже «пули жужжание не слышал».

Из Ленинградского военкомата Д. П. Карнаухова дважды присылали подарки: первый раз — утюг, второй — 100 рублей. Три года назад ему выделили автомобиль «Ока». Обидно Дмитрию Павловичу, что после «августовского обвала» пропали 40 тысяч рублей, честно заработанные и отложенные на безбедную старость. «Если б я такую сумму украл — меня бы посадили. А если украли у меня?» Но этот вопрос и поныне остается без ответа.

26 октября Д. П. Карнаухова исполнится 89 лет. От имени всех коллег желаю ему крепкого здоровья и долгих-долгих лет жизни. Спасибо Вам, Дмитрий Павлович, за то, что Вы отстояли свою Родину, неизменной ценой завоював мирное будущее для потомков, и за то, что в двадцать первом веке на политической карте мира есть государство Россия.

Наталья РОМАНОВА.

На снимке: Д. П. Карнаухов. Фото Екатерины ПЕРВУХИНОЙ.